

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления, предусмотренного статьей 2101 УК РФ»

Обучающийся

Ю.И. Демьяненко

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, С.В. Кондратюк

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Работа посвящена теоретическим и практическим аспектам привлечения лиц к ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии. В работе исследованы функциональное содержание понятия лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, его криминологическая характеристика, проведен анализ противоправной деятельности таких лиц, а также рассмотрены проблемы применения статьи 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Введение посвящено обоснованию актуальности исследования вопроса привлечения лица к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, целями и задач, объектом и предметом исследования.

Первая глава посвящена исследованию законодательного и научного определение понятия субъекта занятия высшего положения в преступной иерархии. Рассмотрена история развития понятия субъект занятия высшего положения в преступной иерархии. Даны современные трактовки понятия и функционального содержания статуса субъекта занятия высшего положения в преступной иерархии.

Во второй главе поэтапно раскрывается структура личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Рассматривается его криминологическая характеристика. Анализируется содержание его противоправной деятельности.

Третья глава посвящена анализу проблем, возникающих при квалификации преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Заключение предполагает краткое подведение итогов выпускной квалификационной работы.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Законодательное и научное определение понятия субъекта занятия высшего положения в преступной иерархии.....	7
1.1 История (генезис) развития понятия субъект занятия высшего положения в преступной иерархии	7
1.2 Функциональное содержание понятия лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии	15
Глава 2 Структура личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии	24
2.1 Криминологическая характеристика личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.....	24
2.2 Содержание противоправной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.....	35
Глава 3 Актуальные проблемы квалификации преступления, предусмотренного статьей 210 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации	46
Заключение	59
Список используемой литературы и используемых источников	62

Введение

Одной из основных задач государства в сфере обеспечения общественного порядка является противодействие организованной преступности. Такое пристальное внимание обусловлено тем, что противоправные деяния, совершаемые представителями организованной преступности, имеют более продуманный характер, что создает определенные сложности при выявлении, расследовании и привлечении виновных лиц к уголовной ответственности. Кроме того, лица, руководящие преступными группировками, как правило, находятся «в тени» и избегают ответственности, что позволяет им и дальше совершать преступления при помощи других исполнителей. В этой связи в отечественном уголовном законодательстве появилась норма, устанавливающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что механизм привлечения к уголовной ответственности лиц за занятие высшего положения в преступной иерархии имеет ряд проблемных аспектов. Например, в законодательстве отсутствует понятие «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Отдельный проблемный аспект заключается в том, чтобы доказать факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Все это создает определенные сложности в процессе применения статьи 210¹ Уголовного кодекса.

Вопросы криминологической характеристики и привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, были рассмотрены в исследованиях Д.К. Амировой, Ж.В. Виденькиной, С.В. Кондратюка, Т.В. Якушевой и другими учеными-юристами.

В основе исследования лежат труды следующих ученых-юристов: В.А. Бессонова, С.Э. Воронина, Д.А. Григорьева, А.Я. Гришко, А.И. Долгова, С.В. Кондратюка, С.А. Кутякина, В.Б. Малинина, Т.Т. Месхидзе,

А.М. Моисеева, С.И. Муравьева, С.А. Партиллаева, А.В. Сенатова, М.П. Ситниковой, В.Е. Суденко, А.А. Хмыровой, В.Б. Шабанова, А.Е. Шалагина.

Объект исследования – система правоотношений, складывающихся по поводу привлечения к уголовной ответственности лиц за занятие высшего положения в преступной иерархии.

Предмет исследования – проблемы теоретического и практического характера, возникающие в ходе привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Цель работы заключается в выявлении актуальных проблем в процессе привлечения лица к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии.

Обозначив цель исследования, мы можем выделить следующие задачи, необходимые для ее достижения:

- рассмотреть исторический процесс развития понятия субъекта занятия высшего положения в преступной иерархии;
- ознакомиться с функциональным содержанием понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии»;
- исследовать криминологическую характеристику личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии;
- проанализировать содержание противоправной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии;
- выявить основные проблемы квалификации преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Методологическую основу данного исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы. В группу общенаучных методов познания входят: синтез, анализ, сравнение, дедукция, индукция, диалектический метод. В группу используемых частнонаучных методов

входят: историко-правовой метод, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод правовой статистики.

Теоретическую основу исследования составили монографическая и учебная литература по уголовному праву и криминалистике, научные публикации, а также диссертационные исследования о лицах, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Нормативную базу исследования составили действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, акты Президента Российской Федерации, документы министерств и ведомств Российской Федерации, составляющие правовую основу борьбы с лидерами преступной среды и лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии.

Научная новизна исследования заключается в том, что теоретические выводы и положения могут быть использованы для дальнейшего научного исследования проблем привлечения к ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Структурно работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Законодательное и научное определение понятия субъекта занятия высшего положения в преступной иерархии

1.1 История (генезис) развития понятия субъект занятия высшего положения в преступной иерархии

Вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, которые занимают высшее положение в преступной иерархии, нашли свое развитие в законодательстве относительно недавно [36]. Однако исторический аспект рассматриваемого вопроса имеет более «глубокие корни», поскольку привлечение указанных лиц к ответственности непосредственно связано с институтом соучастия. Указанный институт находит свое отражение еще в первых памятниках древнерусского права. Так, в статье 31 краткой редакции Русской правды можно встретить указание на соучастие: «А если кто крадет или коня, или волов, или обкрадывает клеть, то, если один крал, то заплатить ему гривну и тридцать резан; если их будет 18, то платить каждому человеку по три гривны и 30 резан» [63]. В пространной редакции Русской правды, можно встретить аналогичные нормы. Так, в статье 41 было сказано: «... то если один <крал>, то платить ему 3 гривны и 30 кун; если же их много ...» [64]. Таким образом, уже на данном этапе исторического развития отечественного уголовного права законодатель допускал соучастие, хотя и не выделял его отдельные виды, распределяя между соучастниками равную ответственность.

В Соборном Уложении 1649 года институт соучастия получил, куда большее внимание, хотя окончательно еще сформирован не был. Его отдельные нормы мы можем встретить в различных главах Уложения. Так, в санкции статьи 19 главы 22 указано: «... и того, кто на смертное убийство научал, и кто убил, обеих казнити смертию же». В статье 198 главы 10 закреплена следующая санкция «... и того, кто такое смертное убийство учинит, самого казнити смертию же, а товарищев его всех бити кнутом и

сослать, куды государь укажет» [69]. Кроме того, в тексте неоднократно можно встретить упоминание формы соучастия – скоп и заговор. Соответственно, мы можем сделать вывод, что уже в 17 веке законодатель уже разделяет отдельные виды соучастников между собой при помощи дифференциации ответственности преступников в зависимости от их роли.

В дальнейшем понятия скоп и заговор конкретизируются и развивают институт соучастия в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [53]. Скоп подразумевал соучастие при отсутствии предварительной договоренности на совершение преступления, если же преступное намерение было заранее оговорено, то речь шла о сговоре. Руководствуясь статьями 14 и 15 рассматриваемого документа, можно заключить, что уголовное законодательство того времени выделяло следующие виды соучастников: главный виновный, участник (применительно к скопу); зачинщик, сообщник, подговорщик, пособник (применительно к сговору). Хотя в самом тексте Уложения 1845 года отсутствуют указания относительно соразмерности роли в совершенном преступлении и наказания, мы можем предположить, что зачинщики подвергались наиболее строгому наказанию. Так, к числу обстоятельств, которые увеличивали вину и наказание, в статье 135 были отнесены: «чем более было умысла и обдуманности в действиях преступника; чем более лиц он привлек к участию в сем преступлении» [82]. Таким образом, законодатель косвенно определил, что в зависимости от роли и степени участия, наказание будет пропорционально увеличено.

В Уголовном уложении 1903 года институт соучастия не претерпел особых изменений, равно как и отношение законодателя к лицу, организовавшему совершение преступления. В указанном документе были выделены следующие виды соучастников: «непосредственно учинили преступное деяние или участвовали в его выполнении; подстрекнули другого к участию в преступном деянии; были пособниками, доставлявшими средства, или устранявшими препятствия, или оказывали помощь учинению преступного деяния советом, указанием или обещанием не препятствовать его

учинению или скрыть оное» [79]. В целом можно сделать вывод, что в досоветский период развития уголовного закона, начиная с первых памятников отечественному праву, институт соучастия постепенно формируется и развивается. При этом на данном этапе законодатель еще не принимает во внимание всю общественную опасность фигуры высшего лица в преступной иерархии, поэтому уголовное законодательство не содержит каких-то особых указаний в отношении указанных лиц.

В 1917 году произошли важные изменения внутри государства и общества, которые создали необходимость переработки законодательства под новые социальные реалии [12]. Принятые в 1919 году Руководящие начала по уголовному праву РСФСР содержали отдельное положение «О соучастии». В статье 21 было установлено, что «За деяния, совершаемые сообща группою лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели, и пособники. Мера наказания определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния» [62]. То есть, на данном этапе законодатель по-прежнему не уделял должного внимания потенциальной общественной опасности, которую представляет лицо, занимающее руководящее положение в преступной иерархии. Практически аналогичные нормы института соучастия были в дальнейшем закреплены и в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года.

В положениях общей части Уголовного кодекса РСФСР 1926 года отсутствуют нормы института соучастия, однако отдельные положения можно встретить в его особенной части. В исследованиях по данному вопросу неоднократно отмечалось, что Уголовный кодекс 1926 года предусматривал дифференцированную ответственность за соучастие. Особое внимание стало уделяться подстрекателям, организаторам и руководителям, причем законодатель фактически приравнивал ответственность организатора к ответственности исполнителя преступления [78].

Следует обратить внимание, что именно в 20-30-е года прошлого столетия берет свое начало формирование особого преступного статуса вор-в-

законе. Именно с целью противодействия лицам, обладающим данным статусом, и привлечения их к ответственности в дальнейшем будет закреплена норма, устанавливающая уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Поскольку в результате октябрьской революции общество, по сути, разбилось на два класса. Одни поддерживали новый режим, а другие стали его противниками. В результате чего появилось много «политических преступников». Лица, занимающиеся исключительно воровством и не выступающие против законов государства, и его политики, стали называть себя законными ворами или ворами-в-законе. В результате политических репрессий, которые имели место быть в 30-е годы прошлого столетия, число лиц, находящихся в местах лишения свободы многократно возросло. Для того чтобы обеспечить дисциплину в исправительных учреждениях, было принято решение контролировать «политических» заключенных при помощи «традиционных» преступников [12]. С этого момента начинается становление статуса вора-в-законе с его властными полномочиями. Однако пока они выступали одним из инструментов государственного регулирования, поэтому в уголовном законодательстве отсутствовали специальные нормы относительно их повышенной ответственности.

Понятие соучастия было конкретизировано и нашло свое законодательное закрепление в Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 года [29]. В статье 17 указанного нормативно-правового акта было установлено, что «соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления» [30]. Кроме того, законодатель раскрыл понятия соучастника, исполнителя, организатор, подстрекатель, пособника, а также определил, что при назначении наказания судом должны учитываться именно степень и характер участия. Это позволяет нам сделать вывод, что практически за сорок лет законодатель изменил подход к оценке степени опасности лица в зависимости от его роли. Если раньше первостепенной значение имела степень опасности

самого деяния, то теперь судьям стало необходимо принимать во внимание степень и характер участия лица в совершение преступления.

Следует обратить внимание, что для борьбы ворами-в-законе и продвигаемой ими криминальной культуре использовались не только правовые меры. Так, во второй половине прошлого века администрация исправительных учреждений предприняла свои попытки разрушить авторитет воровских традиций. Для этого был создан специальный исправительный лагерь, где в качестве осужденных содержались только воры-в-законе. То есть, иных категорий осужденном в этом лагере не было, что создавало сложность для существования самих воров-в-законе. По «воровским традициям» вора в законе было запрещено выполнять хоть какую-то работу и взаимодействовать с администрацией. Поэтому осужденные стояли перед выбором: либо пренебречь своими принципами и правилами самостоятельно выполнять простую бытовую работу (стирать, убирать и так далее), тем самым потеряв свой статус, либо заставить других осужденных выполнять работу, причинив ущерб их статусу. Такие условия создавали сложности для соблюдения «воровских правил», поэтому все чаще между осужденными стали возникать конфликтные ситуации. Кроме того, администрация исправительных учреждений стала брать подписку с воров-в-законе о завершении преступного образа жизни. Эти обстоятельства активно распространялись среди общественности посредством деятельности средств массовой информации [41].

Особое значение в политике противодействия «воровской культуре» занимало разоблачение культа честности, благородства и идейности воров. Осознавая, что авторитет воров-в-законе среди осужденных строился на доверии и уверенности в их безукоризненному следованию принципам воровского сообщества, администрация исправительных учреждений начала распространять информацию о случаях, когда воры нарушали свои же правила. В результате чего доверие было подорвано, а некоторые воры были исключены из преступного сообщества [25].

В результате проделанной работы наблюдалось сокращение обладателей статуса вор-в-законе и распад преступных сообществ в исправительных учреждениях. Но криминальный мир смог пережить этот удар и адаптироваться под новые реалии. С 60-х годов начинают меняться требования для вступления в преступное сообщество. Их участниками теперь могли стать авторитетные осужденные, которые не обладали статусом вора в законе. Такие участники стали опорой воров и представляли их интересы. В тех учреждениях, где воры-в-законе отсутствовали, их полномочия осуществляли «положенцы», то есть, лица, которые жили на положении воров-в-законе. В последствии из числа указанных лиц выбирались и рекомендовались кандидаты для получения статуса вор-в-законе [7].

Сигналом о том, что организованная преступность, во-первых, не была побеждена, во-вторых, получила новый виток развития, послужил «казанский феномен». В 70-е года прошлого столетия в Казани молодые люди объединялись в преступные группы, которые делили между собой сферы влияния. На своих территориях они совершали различные преступления, в том числе, вымогательства и разбойные нападения в отношении «цеховиков». Постепенно с целью увеличения доходов преступного сообщества воры-в-законе предоставляли соответствующий статус руководителям преступных группировок за внесение крупного пожертвования в «воровской общак». Постепенное ухудшение социально-экономической и политической обстановки внутри государства только способствовали развитию организованной преступности и роли лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии [14].

Особую значимость вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, приобрели в 90-е годы, когда свое активное распространение получила организованная преступность. Наибольшую опасность среди них представляли организованные преступные сообщества, в рамках деятельности которых совершаются, как правило, тяжкие и особо тяжкие преступления. Одной из

основных проблем противодействия преступным сообществам является то обстоятельство, что благодаря своему положению (авторитет среди других участников, связи, материальные ресурсы) их лидеры уходят от ответственности и в дальнейшем возобновляют свою преступную деятельность через промежуток времени. Учитывая особую общественную опасность таких субъектов, законодатель вводит в Уголовный кодекс 1997 года норму, предусматривающую наказание за организацию преступного сообщества (преступной организации) [81]. При помощи статьи 210 законодатель ввел понятие руководство преступным сообществом (организацией), но никак его не конкретизировал. Попытки раскрыть данный термин и обеспечить единство правоприменительной практики предпринимались в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» [55]. Постановление содержит весьма емкое определение понятие «руководство преступным сообществом (преступной организацией)», а также его функции и признаки.

Сложно достоверно и точно говорить о том, какое значение для правоприменительной практики имело указанное Постановление Пленума, однако, анализируя статистические данные, можно наблюдать следующую картину. В 2010 году число предварительно расследованных преступлений, совершенных организованной группой, составляло 20974 эпизода. В 2011 году этот показатель снизился до 16376 эпизодов. В 2012 году наблюдается небольшой рост числа таких преступлений (17237), а с 2013 году вновь наблюдается снижение (15915), 2014 год (12392), 2015 (12270), 2016 (11186) [54]. В целом мы можем наблюдать стабильное значение числа преступлений, совершенных организованной группой, после появления разъяснения Пленумом Верховного Суда вопросов, связанных с квалификацией по статье 210 Уголовного кодекса.

Начиная с 2017 года, мы можем вновь наблюдать постепенный рост организованной преступности. В 2019 году Президент Российской Федерации высказал обеспокоенность сложившейся ситуацией и выступил с предложением внести изменения в действующее уголовное законодательство, в частности дополнить статьей 210¹, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии [57]. В дальнейшем законопроект был одобрен и соответствующие изменения были внесены в Уголовный кодекс Российской Федерации [81]. Однако статистические данные показывают, что показатель организованной преступности неуклонно увеличивался. В 2019 году число расследуемых преступлений составило 14647 эпизодов, в 2020 году – 15382 эпизодов, в 2021 году наблюдается значительный рост до 19674 эпизодов, а с января по ноябрь 2022 года уже расследовалось 23186 преступления, совершенных организованной группой.

В завершении темы данного параграфа мы можем сделать следующие выводы:

- вопросы ответственности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, берут свое начало с момента развития института соучастия. Его отдельные положения мы можем наблюдать, начиная с самых ранних памятников древнерусского права. В разное время законодатель по-разному относился к организаторам преступной группы, то накладывая соразмерную ответственность с исполнителем преступления, то вовсе не учитывая степень участия;
- окончательно подход, согласно которому при назначении наказания должны учитываться именно степень и характер участия в совершении преступления, нашел свое окончательное закрепление в Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 года;
- основополагающим фактором закрепления уголовной ответственности за руководство преступным сообществом

(организацией) стал значительный рост организованной преступности в 90-е года прошлого столетия;

- в связи с ростом организованной преступности в 2019 году Президентом было внесено предложение, дополнить Уголовный Кодекс Российской Федерацией статьей 210¹, в которой установлена ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

1.2 Функциональное содержание понятия лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии

Хотя в статье 210¹ Уголовного кодекса устанавливается ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, в ней отсутствует легальное определение понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», а также признаки его характеризующие [36]. Отсутствие каких-либо законодательных ориентиров вызывает определенные сложности в правоприменительной практике. Данный вопрос являлся предметом обращения в Конституционный Суд. В жалобе было отмечено, что статья 210¹ Уголовного кодекса не соответствует Конституции, поскольку «ее диспозиция - в силу своей неопределенности - позволяет привлекать к уголовной ответственности (в том числе неоднократно) за деяние, не признававшееся правонарушением в момент совершения, и поскольку она не конкретизирует термины высшее положение и преступная иерархия, не определяет момента окончания преступления, что лишает граждан возможности осознавать общественную опасность и противоправность такого деяния, предвидеть наступление уголовно-правовых последствий его совершения, а также препятствует единообразному пониманию, толкованию и применению этой нормы, и, кроме того, поскольку она не предусматривает условий, порядка и форм отказа лица от своего положения и не устанавливает возможности его освобождения от уголовной ответственности» [48]. К

сожалению, в силу процессуальных особенностей дела, Конституционным Судом не был дан ответ по вопросам соответствия рассматриваемой нормы положениям основного закона. Однако от этого предусмотренные жалобой вопросы не потеряли своей актуальности.

Попытки охарактеризовать лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, предпринимались в разъяснениях Пленума Верховного Суда в 2009 году. Так, в 24 пункте было отмечено следующее: «судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации).

О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать о наличии связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями и т. п» [55]. В целом данное положение характеризует лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, посредством перечисления его властно-распорядительных полномочий, реализуемых по отношению к лицам, находящимся ниже его в преступной иерархии [61]. Данный подход имеет место быть, поскольку любая иерархия подразумевает вертикальную систему подчинения между ее субъектами. Отдельно стоит обратить внимание, что, на наш взгляд, весьма сомнительным видится характеристика лидерства, посредством наличия у лица связей с экстремистскими или террористическими организациями. Указанный критерий является скорее характеристикой наличия у лица обширных связей в преступном сообществе, нежели говорит о его лидерстве в преступной иерархии.

Поскольку мы не можем раскрыть понятие «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» в правовых нормах и разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, необходимо обратиться к научным публикациям по данному вопросу.

В научной литературе к числу лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии относят в первую очередь воров-в-законе и схожих с по статусу лиц (положенцы, смотрящие). Воры-в-законе имеют особое положение среди преступного сообщества и входят в высшую касту «блатных». По сути, данный статус накладывает на них широкий круг прав и обязанностей. Например, он обладает полномочиями распоряжаться общими средствами (общак), разрешать споры между другими лицами по вопросам «воровских законов». Для получения данного статуса лицо должно пройти специальную процедуру (коронацию), которая заключается в признании его авторитета другими ворами-в-законе». После этого лицо приобретает такой статус и, соответственно, наделяется всеми связанными с ними полномочиями [12].

При этом категорию «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», не следует ограничивать статусом вор-в-законе» и производными от него (положенец, смотрящий) [23]. Указанная позиция находит свое отражение в исследованиях по данной теме. Так, А.Н. Мондохонов отмечает в своей работе следующее: «положения части 4 статьи 210 УК РФ должны касаться воров-в-законе, неофициально занимающих высшее положение в преступной иерархии, а также криминальных лидеров организованных преступных объединений, не относящихся к воровской среде» [47]. Аналогичную позицию отстаивают С.В. Кондратюк и А.М. Моисеев. На сегодняшний день были сформированы и действуют нетипичные преступные сообщества, которые имеют националистическую, экстремистскую, террористическую направленность. При этом в основе таких сообществ лежит иерархический принцип [37]. Но лидеры таких сообществ, имеют различные самоназвания. Поэтому при определении лица,

занимающего высшее положение в преступной иерархии, нельзя акцентировать внимание исключительно на наименовании статуса [46].

С этим нельзя не согласиться, поскольку иерархический принцип построения зачастую выражается более явно экстремистский и террористических организациях. Так, Верховный Суд Республики Башкортостан, рассматривая вопрос о признании партии «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» преступным сообществом, основывал свое решение на информации специалиста. В ней было установлено, что в основе ее структуры лежал принцип пирамиды. Внизу пирамиды находились специальные ячейки, в которых состояли ученики, обучающиеся идеологии партии. У каждой такой ячейки был свой руководитель, который был подотчетен своему руководителю (мусоиду), контролирующему процесс обучения в нескольких ячейках. В свою очередь мусоид подчинялся своему руководителю на более высоком уровне [1]. Следовательно, мы делаем вывод, что лицо может быть признано занимающим высшее положение в преступной иерархии и без статуса «вор-в-законе». Для этого необходимо доказать, что сообщество, осуществляющее противоправную деятельность, имело свою иерархию. И уже в этом случае для привлечения лица к ответственности по статье 210¹ Уголовного кодекса, необходимо доказать, что оно имело реальную возможность руководить деятельностью сообщества.

С.И. Мурашев в своей работе проводит анализ статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, и выделяет следующие специфические признаки:

- «имело место наделение лица данным статусом другими лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, в результате специальной неформальной процедуры;
- лицо признаётся в качестве носителя данного статуса другими лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, а также прочими членами преступной иерархии;

- лицо находится в отношениях власти-подчинения с нижестоящими членами преступной иерархии, делегируя им свою волю и вынося обязательные для них решения неформального характера;
- лицо обладает распорядительными полномочиями в отношении денежных средств и прочих ресурсов, добытых преступным путём и составляющих капитал преступного сообщества (организации);
- лицо обладает полномочиями организационного характера, в том числе касающимися участия в собраниях лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, руководства такими собраниями, а также назначения других лиц на неформальные нижестоящие должности преступной иерархии» [12].

Анализируя совокупность указанных принципов, мы можем отметить, что все они имеют «неформальный характер». Так, любая «коронация», распоряжения относительно денежных средств, назначение других лиц не имеют «бумажного» следа, что создает серьезную проблему в процессе доказывания у лица наличия статуса вор-в-законе. Отдельно стоит отметить, что автором отмечается тот факт, что статус лица признается другими участниками преступной иерархии. Это, на наш взгляд, несколько спорный признак, поскольку создает ряд вопросов. Например, если в ходе процедуры «коронации» не все участники собрания проголосовали «за» наделение лица данным статусом или в результате раскола преступного сообщества члены одной стороны больше не признают статус и полномочия противоположающей стороны. Можно ли в этих случаях считать кого-то из них ворами-в-законе и вменять преступление, предусмотренное статьей 210¹ Уголовного кодекса? На наш взгляд, скорее да, поскольку указанные лица продолжают реализовывать свои полномочия и осуществлять деятельность, неся повышенную общественную опасность.

А.В. Сенатов в дополнение к названным признакам предлагает отнести: «наличие криминальных связей, в том числе и коррумпированных, а также доходов, полученных преступным путем» [66]. Данный признак можно

разбить на три пункта: наличие преступных связей; наличие коррумпированных связей; наличие доходов, полученных преступным путем. Первый пункт безусловно является характеристикой вор-в-законе, поскольку этот статус характерен для преступной иерархии, где лицо должно обладать немалым количеством связей, чтобы заслужить такой авторитет. Второй пункт является несколько спорным, поскольку коррупционными связями может обладать не сам вор-в-законе, а его приближенные, которые решают вопросы по мере необходимости. Касательно третьего пункта сложно дать какую-то точную оценку, поскольку по негласным правилам вор-в-законе не может иметь ничего своего, соответственно и доходов у него быть не может.

В работе Д.А. Григорьева и В.И. Морозова представлено определение, в котором в качестве одного из критериев отнесения лица к категории вор-в-законе является «профессиональный преступник» [23]. Мы скептически относимся к данному признаку, поскольку весьма сложно определить преступный профессионализм. Напротив, как правило, ворами-в-законе становятся лица, которые побывали в местах лишения свободы, а значит, были пойманы сотрудниками правоохранительных органов. Поскольку сотрудникам удалось найти следы, которые привели к преступнику, то сложно говорить о «качественно проделанной работе». Что, безусловно, ставит под сомнение критерий профессионализма при определении понятия вор-в-законе.

В качестве одного из признаков, мы можем выделить тот факт, что лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, являются носителями и распространителями культуры криминальной жизни, которая имеет свою идеологию, жизненные ценности, правила, которым необходимо придерживаться. По сути, лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, являются теми поведенческими идеалами, на которые ориентируются другие представители данной культуры [58]. Как и судьи, которые должны выступать образцом законности и соответствовать нравственно-этическим нормам, лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, обладая полномочиями судей в своем круге, также

должны соответствовать определенным «воровским понятиям», продиктованным их квазикультурной принадлежностью.

Анализируя совокупность перечисленных признаков, мы можем предложить следующее определение понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии – наделенное особым статусом лицо, характеризующееся наличием широкого круга преступных связей, обладающее властно-распорядительными и организационными полномочиями в различных сферах деятельности преступной иерархии, а также являющееся носителем и распространителем культуры криминальной жизни.

Рассмотрев признаки, характерные для лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, а также раскрыв данное определение, считаем возможным выделить функциональную составляющую данного субъекта. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, осуществляет следующий функционал:

- распределение сфер влияния между нижестоящими субъектами преступной иерархии;
- распределение экономическими ресурсами, входящими в «общак»;
- осуществление полномочий медиатора при возникновении споров между нижестоящими субъектами преступной иерархии;
- организация и участие в решении вопросов, выдвинутых в ходе проведения общего собрания лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии;
- распространение культуры криминальной жизни.

В ходе анализа содержания понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», нами было обращено внимание на ряд проблемных аспектов. Во-первых, в законодательстве отсутствует легальное определение данного понятия и его признаков, а также отсутствуют критерии объективной стороны занятия высшего положения, как элемента состава

преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса. Во-вторых, не совсем понятно, каким именно образом правоприменитель должен доказывать причастность лица к совершению преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса.

Завершая обсуждение по теме данной главы, нами были сделаны следующие выводы:

- вопросы ответственности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, берут свое начало с момента развития института соучастия. Его отдельные положения мы можем наблюдать, начиная с самых ранних памятников древнерусского права. В разное время законодатель по-разному относился к организаторам преступной группы, то накладывая соразмерную ответственность с исполнителем преступления, то вовсе не учитывая степень участия;
- окончательно подход, согласно которому при назначении наказания должны учитываться именно степень и характер участия в совершении преступления, нашел свое окончательное закрепление в Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 года;
- основополагающим фактором закрепления уголовной ответственности за руководство преступным сообществом (организацией) стал значительный рост организованной преступности в 90-е года прошлого столетия. Но только спустя время, в связи с вновь возникшим ростом организованной преступности в 2019 году Президентом было внесено предложение, дополнить Уголовный Кодекс Российской Федерацией статьей 210¹, в которой установлена ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии;
- лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии – наделенное особым статусом лицо, характеризующееся наличием

широкого круга преступных связей, обладающее властно-распорядительными и организационными полномочиями в различных сферах деятельности преступной иерархии, а также являющееся носителем и распространителем культуры криминальной жизни. При этом важно понимать, что само по себе наличие криминального статуса вор-в-законе, «положенец», «смотрящий» не могут служить основаниями для привлечения к ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии. Основопологающим фактором в данном случае должно быть наличие у лица возможности оказывать влияние на деятельность преступного сообщества;

- лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, осуществляет следующий функционал: распределение сфер влияния между нижестоящими субъектами преступной иерархии; распределение экономическими ресурсами, входящими в «общак»; осуществление полномочий медиатора при возникновении споров между нижестоящими субъектами преступной иерархии; организация и участие в решении вопросов, выдвинутых в ходе проведения общего собрания лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии; распространение культуры криминальной жизни.

Глава 2 Структура личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии

2.1 Криминологическая характеристика личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии

Человек является неотъемлемой частью общества, поэтому формирование его личности непосредственно зависит от взаимодействия с другими членами социума. При этом ему необходимо «отыгрывать» различные социальные роли (друг, родитель, ребенок, лидер и так далее). Это накладывает на становление личности определенный отпечаток, а именно, качества характерные той или иной социальной роли постепенно развиваются, а не нужные, напротив, подавляются. Изучение личностных качеств преступника позволяет определить криминологическую характеристику лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Криминалистическая характеристика преступника представляет собой совокупность биофизиологических, общественно-демографических, общественно-ролевых, морально-психических свойств, характеризующих личность лица, совершающего уголовные правонарушения. В структуре личности преступника можно выделить социально-демографические свойства, нравственно-психологические свойства и уголовно-правовые свойства [60].

Социально-демографическая группа признаков определяется в основном половой принадлежностью, возрастом, образованием, профессией, местом жительства, семейным положением [5].

Говоря о половой принадлежности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, то это, как показывает практика, в основном лица мужского пола [65]. Это связано с тем, что в преступном сообществе есть негласное правило – не наделять женщин статусом вор-в-законе. Такое решение связано с «неудачной практикой». В прошлом столетии статусом вор-

в-законе была наделена Аглая Демидова, которая завела отношения с доктором из исправительного лагеря, тем самым нарушив запреты на отношения и связи с представителями администрации исправительных учреждений [4]. В качестве наказания она была убита, а на одной из «воровских сходов» было принято решение больше никогда не «короновать» женщин. Однако, практика обхода данного запрета имела место быть. Так, Калина Никифорова была отмечена за свои заслуги перед преступным сообществом уже после запрета на коронацию. Поскольку наделить ее таким статусом преступные лидеры не имели права, они сделали это опосредовано, посредством коронации ее сына. Интересным бы, на наш взгляд, было оценить возможность привлечения Калины Никифоровой к ответственности по статье 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. Действующее законодательство, хотя и предусматривает уголовную ответственность по статье 210¹ в том числе и для воров-в-законе, фактически не использует данную формулировку. Соответственно, мы можем сделать вывод, что само по себе наличие такого статуса не играет решающую роль, важное значение имеют именно те полномочия, которые осуществляются ворами-в-законе (поддержка преступного сообщества, участие в принятии решений и так далее). Калина Никифорова обладала такими полномочиями, хотя статус был у ее сына, что позволяет нам сделать вывод о возможности ее привлечения к уголовной ответственности по статье 210¹. Таким образом, мы можем сделать вывод, что потенциально женщина может быть привлечена к ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии. Это обусловлено гибкой формулировкой, которая не заостряет внимания на наличии конкретного статуса, в отличие от законодательства Грузии, где напрямую используется термин вор-в-законе.

А.Я. Гришко, касательно возраста исследуемых субъектов в своей научной работе отмечает, что для рассматриваемой группы преступников характерен возраст - 35-45 лет [24]. Сложно опровергнуть или подтвердить данную точку зрения, поскольку в воровской среде нет правил относительно

возраста лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. В ходе настоящего исследования мы проанализировали биографии нескольких лидеров преступной иерархии, как в прошлом, так и в настоящем, и можем сделать следующий вывод относительно их возраста. В первую очередь стоит отметить, что на стадии зарождения преступного лидерства, например, вор-в-законе и его становлении в советский период отечественной истории. Рассматриваемый статус приобретался в основном возрасте от 20 до 30 лет. Так, В.П. Бабушкин (Вася Бриллиант) [15] и А.И. Кочев (Вася Корж) были коронованы в возрасте 22 лет [17]. Весьма известный А.Р. Усоян (Дед Хасан) получил свой статус в 26 лет [27]. В дальнейшем тенденция начала меняться и, как правило, лица, которые занимали высшее положение в преступной иерархии, наделялись статусом вор-в-законе уже после 30 лет. Так, А.А. Крылов (Крыл) коронован в 31 год, А.В. Северов (Саша Север) в 33 года, В.К. Иваньков (Япончик) в возрасте 34 лет, О.Н. Шишканов (Шишкан) в возрасте 31 года, В.А. Тюрин (Тюрик) в возрасте 35 лет, С.А. Бойцов (Боец) в возрасте 30 лет [43]. Были и отдельные исключения, например, З.Х. Калашов (Молодой), который получил статус в возрасте 18 лет, но в целом, начиная с 70-80-х годов прошлого столетия статус вор-в-законе приобретался в возраст с 30 до 35 лет. Это можно объяснить тем, что для данного возраста характерно наличие определенного жизненного опыта, который позволяет более грамотно организовывать деятельность преступного сообщества.

Относительно такой характеристики как профессия можно отметить следующее. К одному из правил воровского кодекса относится запрет на работу. В преступном сообществе считается, что работа представляет собой труд во благо другого (человека или государства). Соответственно подразумевает отношение между руководителем и подчиненным, где последним выступает вор-в-законе. Это не соответствует авторитетному положению, от чего и возникает указанный запрет. Однако сегодня в данном правиле есть некоторые послабления. Так, в интервью интернет-порталу URA.ru приглашенный эксперт заявил следующее. «Это раньше вор

обязательно должен был отсидеть и вообще жить по понятиям. Современные воры в законе имеют недвижимость в Америке, Европе, на Кипре. У них есть свой собственный бизнес» [70]. Соответственно, мы можем сделать вывод, что лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, с высокой вероятностью могут не иметь официального места работы. Но при этом не исключено, что они могут быть индивидуальными предпринимателями, либо занимать высшие должности в органе управления юридическим лицом, осуществляющим коммерческую деятельность.

Проведенное С.В. Кондратьюком исследование демонстрирует, что «лидерами преступной иерархии становятся лица с различным уровнем образования. Среди них преобладают лица со средним образованием (77%). Неполное среднее образование имели 16,5%, среднее специальное – 2%, незаконченное высшее – 1%, высшее – 1%» [36]. Объяснить такое положение вещей можно тем, что указанные лица имеют довольно низкий возрастной порог вхождения в криминальную среду, поэтому большинство из них после окончания школы не задумываются о дальнейшем обучении, поскольку выбрали для себя преступную деятельность в качестве основного вида деятельности.

Говоря о семейном положении, можно сразу отметить, что для воров в законе долгое время действовали определенные правила касательно данного вопроса. Во-первых, вору-в-законе ранее запрещалось иметь семью. Во-вторых, вору-в-законе запрещалось иметь какую-либо постоянную связь с одной женщиной. Объяснялось это тем, что женщина может повлиять на волю авторитета, что отразится на его действиях. Однако и от этого правила воровское сообщество постепенно начало уходить. Например, А.Р. Усоян, хотя и не состоял в официальном браке, у него была постоянная сожительница, от которой у него было двое детей [27]. В.А. Тюрин и вовсе имел официально зарегистрированные в органах ЗАГСа отношения с М.П. Максаковой [76]. Указанные обстоятельства позволяют нам сделать вывод, что с высокой долей вероятности лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии,

официально будет иметь семейное положение «холост». Но в современных реалиях не исключается возможность наличия у таких лиц зарегистрированного брака.

Характеризуя личность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, большинство исследователей выделяют следующие качества:

- «организаторские и управленческие способности;
- коммуникабельность;
- быструю приспособляемость к новым условиям (реалиям);
- отрицание законопослушного поведения;
- умение объединять лиц с антиобщественной направленностью и подчинять их определенной идее;
- способность противостоять правоохранительным органам и социальному контролю» [52].

Указанные характеристики создают общее представление о личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, но не отражают всей сути психотипа. Для формирования более точного психологического портрета личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, необходимо провести анализ нескольких психологических профилей лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Первым мы рассмотрим профиль Юрия Владимировича Жданова (Графенок). Юрий родился в 1959 году в Алтайском крае. С самого детства он был окружен представителями преступного сообщества, поскольку его отец был криминальным авторитетом. После смерти отца его положение заняла мать Юрия, которая имела известность в криминальных кругах Алтайского края. Мать Юрия с ранних лет стала привлекать сына к делам управленца преступного сообщества. Характеру Жданова соответствовали следующие признаки: расчетливость, устойчивая агрессия, низкий уровень эмоциональной вовлеченности. Он имел достаточно высокий уровень

интеллектуального развития, а также обладал высокой степенью психической адаптации, которая позволяла ему принимать решения в сложных ситуациях. Помимо этого, Юрий Жданов отличался самостоятельностью при принятии решений, целеустремленностью и настойчивостью [19].

Следующим мы рассмотрим профиль Аслана Рашидовича Усояна (Дед Хасан). Он родился в 1937 году в Тбилиси. Сведения о его родителях отсутствуют, но при этом отмечается, что не только он среди своей семьи занимался преступной деятельностью. Так, например, многие из его племянников являлись криминальными авторитетами. Впервые попал в поле зрения правоохранительных органов в возрасте 19 лет, когда был пойман за карманную кражу, оказав при этом сопротивление сотрудникам милиции. После освобождения продолжил свою преступную деятельность и вскоре организовал свою преступную группировку. Отмечалось, что Усоян обладал повышенным чувством справедливости, честностью и умением решать конфликтные ситуации. Он выступал за мирное решение спорных ситуаций без кровопролития. Однако, Усоян не оставлял безнаказанными тех, кто причинил ему личную обиду или хоть как-то усомнился в его порядочности [26].

Далее мы затронем личность Нурахмана Калиевича Мамырова (Мутай). Он родился в 1949 году в городе Алма-Аты. Это имеет важное значение, поскольку он был казахом по национальности, но занимал «положение» в Сибири, где представители преступного сообщества являются активными националистами. Преступный путь Мамырова начался относительно рано. Первый раз к уголовной ответственности за грабеж он получил в 15 лет за грабеж. В своих интервью он отмечал, что ролевой моделью для него был дон Корлеоне (персонаж фильма об итальянской мафии). Также он отмечал, что судимость не оставила ему возможности встать на путь исправления и построить карьеру в СССР. Для Мамырова были свойственны следующие черты характера: собранность, расчетливость, низкий уровень эмпатии, хладнокровность, а также жестокость, которая выражалась в том, что он

отдавал распоряжения об устранении конкурентов без лишних раздумий. У него был отмечен высокий уровень интеллекта и склонности к математическим наукам. Он всегда отличался высоким уровнем адаптации в стрессовых ситуациях, умением принимать решения, был решителен, настойчив и достигал поставленных целей, несмотря на сопутствующий ущерб [44].

Другой криминальный авторитет Андрей Алексеевич Крылов (Крыл) так же как и другие начал, свой преступный путь, в раннем возрасте (15 лет). Согласно его биографии он отбывал наказания в самых строгих исправительных учреждениях, где «ломали» сторонников криминальной культуры. Отмечалось, что Крылов обладал силой воли, придерживался тюремных законов при любых обстоятельствах. Кроме того, он обладал обостренным чувством справедливости. Однажды следователь, который вел его дело, предпринял попытки вымогать у него взятку, за что был убит. Вел Крылов себя весьма скромно и не афишировал свой статус. Несмотря на возможности, он не жил в роскоши и негативно относился к чрезмерным излишествах жизни. Отличался расчетливостью и спокойным характером, старался мирно урегулировать спорные и конфликтные ситуации [6].

Отдельно стоит рассмотреть профиль Сергея Викторовича Цапка. Данный криминальный авторитет, по сути, олицетворяет собой новое поколение лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Помимо высокого криминального статуса, он являлся заместителем генерального директора крупного общества с ограниченной ответственностью, депутатом муниципального района и кандидатом социологических наук. Цапок рос в неполной семье и воспитывался матерью. Его дядя и отец организовали преступную группировку, которая действовала с начала 90-х годов прошлого столетия. С детства его характеризовали как упрямого, волевого, быстро раздражающегося, капризного, требующего внимания окружающих. С 2002 года его преследовала маниакальная идея отомстить убийцам своего брата. Исследователями отдельно отмечается, что

Сергей Цапок, безусловно, является психопатом истероидного типа. Об этом свидетельствует его демонстративная попытка суицида с целью переноса судебного заседания. Цапок единолично руководил действиями своего преступного сообщества и отличался особой жесткостью при осуществлении деятельности (например, приказал задушить младенца) [19].

Проанализировав профили лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, обладает всем набором лидерских качеств. Это обусловлено тем, что данный субъект преступления, по сути, является руководителем, управленцем, властные полномочия которого основаны не на правовых нормах или положениях трудового договора, а на уважении или страхе перед его авторитетом. Во-вторых, рассматриваемая группа лиц так или иначе с раннего возраста оказывается в криминальном мире. В некоторых случаях это связано с положением членов семьи, в других с противоправным поведением, обусловленным различными обстоятельствами (например, тяжелая жизненная ситуация). В-третьих, лица, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как правило, обладают низким уровнем эмпатии. Это качество позволяет им легко войти в криминальную среду и совершать преступления, поскольку у них отсутствуют моральные ограничения и сочувствие к своим жертвам. Далее, для лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, характерны высокий уровень стрессоустойчивости и умение принимать решение в критических ситуациях. Это напрямую связано со спецификой преступной деятельности, где указанные качества имеют особую ценность.

Для организованной преступности характерен перечень условий, которые усложняют ее реализацию и повышают вероятность возникновения стрессовых ситуаций (масштаб деятельности, наличие высокой конкуренции, широкий круг лиц, находящихся в подчинении и так далее). Кроме того, мы можем разделить лиц, занимающих высшее положение в преступной

иерархии, в зависимости от времени получения лидерского статуса на лидеров, руководящихся сводом негласных правил, и лидеров новой формации. Для тех и других характерно отрицание, нарушение положений действующего законодательства, при этом первые активно следуют неписанному воровскому закону, который налагает на носителей статуса ряд ограничений и требует следования определенным правилам. В свою очередь «лидеры новой формации» постепенно отходят от заложенных воровским сообществом основ, соответственно, имеют меньше ценностных ориентиров (как правило, их мотивация ограничивается материальными факторами, а в основе деятельности лежит корыстная мотивация). В том числе, стоит обратить внимание на то обстоятельство, что большинство лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, выступает за мирное решение конфликтных ситуаций. При этом в большинстве случаев, конфликтные ситуации решаются силовыми методами. Это свидетельствует о том, что рассматриваемая группа лиц не терпит пререканий, настаивает на своей точке зрения и готова «идти по головам» для достижения поставленной цели.

Для лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, характерна повышенная криминогенная активность. Как правило, они имеют судимости. А.Е. Шалягин отмечает, что в основном они осуждены за деяния, предусмотренные ст. ст. 228, 105, 163, 162 УК РФ. Средний срок отбывания наказания составляет 13-15 лет [86]. Высшее положение в преступной иерархии можно заслужить, обладая авторитетом в сообществе, который невозможно заработать легальным путем. Сама по себе криминальная культура поощряет противоправное поведение и способствует деформации правосознания личности, в результате чего лицо совершает преступные деяния.

Проанализировав немногочисленные материалы судебной практики, мы можем дополнить список преступлений, совершение которых характерно лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Помимо уже

перечисленных преступлений указанной категорией лиц совершаются преступления против здоровья граждан. Зачастую это причинение тяжкого вреда здоровью. Но встречаются и иные случаи. Например, приговором суда А.Н. Тенгизоров был осужден к лишению свободы помимо занятия высшего положения в преступной иерархии за причинение легкого вреда здоровью [8]. Поскольку для преступных группировок характерны вооруженные противостояния, лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии зачастую для защиты и иных целей незаконно носят с собой оружие. Так, например, С.М. Нейдеров был осужден по статье 210¹ и части первой статьи 222 Уголовного кодекса [49], в рассмотренном выше случае А.Н. Тенгизов был также осужден за преступление, предусмотренное частью первой статьи 222 Уголовного кодекса. Отдельно стоит обратить внимание, что, поскольку лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, возглавляют свои собственные бандформирования, указанным лицам характерно совершение преступлений, предусмотренных статьями 209 и 282¹ Уголовного кодекса.

Следует обратить внимание, что в криминальной субкультуре есть ряд преступлений, которые считаются позорными и неподобающими для авторитета. Речь идет о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности. Следовало бы сделать вывод, что в послужном списке лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, не может быть отметок о совершении таких преступлений, но на практике все обстоит несколько иначе. Ряд лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, были осуждены за такие преступления, но все равно смогли получить или не лишиться статуса вор-в-законе. В их число входят: Степан Фурман (Стёпа Мурманский), Владимир Тюрин (Тюрик), Виктор Алимпиев (Косолапый), Олег Сухочёв (Сухач), Андрей Трофимов (Трофа), Алексей Александров (Пастор). Дело в том, что уголовные дела по таким статьям служили инструментом для избавления от криминальных авторитетов. В советский период времени криминальное сообщество с пониманием

относилось к подобным ситуациям, поэтому осужденный не подвергался гонениям со стороны других преступников [50]. Таким образом, можно сделать вывод, что лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, официально могут привлекаться к уголовной ответственности за преступления против половой свободы и неприкосновенности.

При этом стоит отметить, что на сегодняшний день преступное сообщество постепенно отходит от того, что вор-в-законе обязательно должен иметь судимость и отбыть срок в местах лишения свободы. В ранее упомянутом интервью экспертом было отмечено, что сейчас для получения статуса вор-в-законе требуется только рекомендация от одного или нескольких лиц, обладающих таким статусом. Причем приобрести статус можно передав определенную сумму в «воровской общак». Поэтому можно сделать вывод, что вор-в-законе, получившие свой статус относительно недавно, могут даже не иметь судимостей и, соответственно, не разу не отбывать наказание в местах лишения свободы.

Таким образом, подводя промежуточные итоги исследования, затронув криминологическую характеристику лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, мы можем сделать следующие выводы.

- к числу типичных социально-демографических признаков личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии можно отнести: лица мужского пола, возраст 30-40 лет, преимущественно имеют среднее образование, имеют семью, но, как правило, брак не зарегистрирован, трудоспособны, но не трудоустроены. Могут быть индивидуальными предпринимателями, либо занимать высшие должности в органе управления юридическим лицом, осуществляющим коммерческую деятельность. Стоит отметить, что ранее отдельные социально-демографические признаки личности данной группы лиц было обобщить куда проще, поскольку воры-в-законе неукоснительно следовали своду правил, который предусматривал запреты на семью, на работу, на

собственность. Однако, воры-в-законе новой формации адаптируются под современные условия и постепенно отходят от старых традиций криминального сообщества;

- к психологическим признакам личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, можно отнести: ярко-выраженные лидерские качества, целеустремленность, готовность к использованию любых средств при достижении своих интересов, низкий уровень эмпатии, стрессоустойчивость, умение проводить быстрый анализ и принимать решения в критических ситуациях, деформация правосознания (правовой нигилизм), преимущественно материальные ориентиры и корыстные мотивы, побуждающие к действию, низкий уровень терпимости к критике и попыткам оспорить его действия;
- лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, имеют высокую преступную активность. Как правило, они привлекаются к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. ст. 228; 105; 163; 162 УК РФ.

2.2 Содержание противоправной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии

Преступные сообщества способны длительное время осуществлять свою деятельность за счет высокого уровня организации, который достигается преимущественно силами их лидеров. Как уже было отмечено ранее, лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, обладают властно-распорядительными и организационными полномочиями в различных сферах деятельности преступной иерархии. Это выражается в реализации различных функций. К их числу мы можем отнести:

- организация взаимодействия с другими преступными формированиями;

- распределение финансов преступного сообщества;
- вербовка новых участников сообщества в соответствии с его актуальными направлениями деятельности;
- взаимодействие с представителями органов власти;
- распределение полномочий между участниками преступного сообщества.

Именно реализацией указанных функций обусловлено содержание криминальной деятельности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Причем непосредственно сам лидер может не обладать всеми необходимыми знаниями и умениями, для реализации функций им могут привлекаться соответствующие специалисты в той или иной области [13]. Это обусловлено высокой динамикой развития и изменения общественных отношений, в рамках которых преступное сообщество должно мимикрировать под актуальные реалии. Привлекаемые специалисты могут обладать знаниями и навыками в различных сферах. Например, это могут быть специалисты в области разработки программного обеспечения для сетевого поиска потенциальных жертв мошенничества в сфере банковской деятельности, а также для создания интернет-магазинов по распространению оружия, наркотиков и других предметов, которые согласно действующему законодательству исключены из гражданского оборота [45]. Это особенно актуально сейчас, когда технологии имеют высокий уровень развития. Посредством специальных программ можно осуществлять преступную деятельность по продаже различных товаров анонимно, тем самым максимально усложняя привлечение к ответственности кураторов таких магазинов, и делая просто невозможным привлечь лидера сообщества к ответственности за организацию их деятельности.

Отдельно отмечается, что лидеры преступного сообщества активно привлекают специалистов в сфере финансов и экономики с целью легализовать средства, полученные криминальным путем [85]. Наиболее ярким примером привлечения специалистов в сфере экономики является

способ легализации средств итальянской мафии посредством сети прачечных. В этой схеме средства, добытые преступным путем, передавались в качестве прибыли для сети прачечных. Поскольку отследить поток клиентов было невозможно, то и средства могли поступать без ограничений. После того, как средства становились прибылью от легальной предпринимательской деятельности, с них уплачивался налог, и они становились полностью «чистыми» с точки зрения закона.

Говоря о вербовке новых участников, стоит добавить, что воры-в-законе могут делегировать часть своих полномочий другому лицу (назначить положенца) или вовсе содействовать в получении статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (участвовать в коронации другого лица) [75]. Поскольку на сегодняшний день государство ведет политику противодействия таким лицам, а в уголовном законодательстве наличие самого статуса «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии» признается преступлением, мы можем сделать вывод, что действия, направленные на наделение другого лица аналогичным статусом, несут еще большую общественную опасность. Само включение в Уголовный кодекс Российской Федерации нормы, закрепляющей ответственность за наличие статуса вор-в-законе или реализации его полномочий направлено на сокращение числа лиц, которые таким статусом обладают. Соответственно, руководствуясь принципами логики, мы делаем вывод, что законодатель выступает против увеличения числа таких лиц. В связи с этим, с целью совершенствования уголовно-правовых норм, направленных на противодействие организованной преступности и лицам, занимающих высшее положение в преступной иерархии, считаем возможным дополнить статью 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации частью второй следующего содержания: «Содействие в приобретении статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии». Данный состав следует рассматривать в качестве квалифицированного, поскольку указанные действия может осуществлять только вор-в-законе, то есть, лицо уже обладает общественно-

опасным статусом, но при этом стремится увеличить их число, тем самым еще больше противодействуя борьбе с преступным сообществом.

Наряду с вербовкой новых участников в развитом преступном сообществе создаются специальные группы, работа которых направлена на проверку деятельности, взаимодействий и лояльности других участников преступного сообщества [42]. Представители данных групп следят за поведением участников сообщества на предмет соответствия правилам криминальной культуры, их взаимодействиями с другими лицами с целью выявления потенциальных для сообщества связей (например, с сотрудниками правоохранительных органов, участниками других преступных сообществ и так далее).

Поскольку деятельность преступного сообщества противоречит правовым нормам, для всех его участников велик риск оказаться на скамье подсудимых. В этой связи лидер сообщества может взаимодействовать с отдельными представителями органов власти с целью решения различных вопросов (например, иммунитет для участников организации, получение разрешений от органов местного самоуправления и так далее). Такие отношения имеют коррупционный характер [28]. Можно сказать, что коррупция является одним из основных инструментов, используемых лидерами преступных сообществ, для решения вопросов, возникающих в процессе осуществления их противоправной деятельности. Этому во многом способствует то обстоятельство, что коррупция проникла во все возможные сферы управления. Кроме того, коррупционные правонарушения имеют высокую степень латентности, что позволяет лидерам преступного сообщества влиять на те или иные общественные отношения через органы местного самоуправления или органы государственной власти. В отдельных субъектах Российской Федерации, обладая финансовой возможностью, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, может полностью контролировать региональную власть и принимать решения в своих интересах. «Во многих нищих регионах, где украсть уже нечего, чиновники

напрямую работают на воров-в-законе. Воры там решают многие ключевые вопросы: они назначают депутатов, без их одобрения не строятся крупные объекты» [56]. Таким образом, мы видим, что при наличии должного финансового обеспечения в совокупности с высоким уровнем коррупции лидер преступного сообщества может беспрепятственно игнорировать нормы действующего законодательства и практически полностью изолировать участников сообщества от уголовной ответственности, предусмотренной за совершенные ими деяния.

Безусловно, организация коррупционных преступлений лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, имеет частый характер. Однако, не все представители властных структур восприимчивы к факторам коррупционного воздействия. Некоторые из них являются идеалистами, которые чтут нормы морали и этики, а их деятельность полностью соответствует принципам профессионализма и непредвзятости. Для решения вопросов с лицами, которые отказались от добровольного сотрудничества или сотрудничества на коммерческой основе, а также для некоторых других ситуаций, лидер преступного сообщества может применить психологические или физические методы давления [74]. Перечень преступлений, совершаемых в рамках давления на тех или иных лиц, включает в себя разнообразные элементы. К преступлениям, совершаемым в рамках реализации метода психологического давления, мы можем отнести: доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ). В рамках физического принуждения могут совершаться следующие преступления: убийство (ст. 105 УК РФ), причинение вреда здоровью (ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ), побои (ст. 116 УК РФ), истязание (ст. 117 УК РФ), похищение человека (ст. 126 УК РФ), в отдельных случаях могут совершаться преступления против половой свободы, как правило, совершаются в основном в отношении лиц женского пола (ст.ст. 131, 132 УК РФ).

Как уже было отмечено нами ранее, лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, являются распространителями арестантской идеологии. В первую очередь это влияние распространяется на исправительные учреждения. «Воры-в-законе направляют свои усилия на консолидацию противоправной деятельности лиц, заключенных под стражу, и осужденных, установление контроля над сообществом осужденных, что в значительной степени обуславливает активизацию противодействия администрации мест лишения свободы. При этом воры-в-законе, используя нелегальные каналы связи, дают указания лидерам группировок внутри исправительных учреждений, которые, в свою очередь, путем угроз физической расправы заставляют осужденных совершать акты членовредительства, отказываться от приема пищи» [40]. Подобные действия в первую очередь подрывают дисциплину в исправительных учреждениях, создавая опасность как для сотрудников, так и для самих осужденных. Кроме того, стоит отметить, что криминальная культура существенно влияет на процесс исправления осужденного. Попадая в эту среду, имеет место быть высокая вероятность деформации правосознания. Поскольку осужденный вынужден адаптироваться под правила, продиктованные криминальной идеологией, он постепенно привыкает к такому укладу жизни, начинает воспринимать воров-в-законе и «блатных» как нравственные ориентиры. Это может подтолкнуть человека к рецидиву и повторному отбыванию наказания в местах лишения свободы, что в свою очередь закрепит установки, которые лежат в основе криминальной культуры.

При этом влияние оказывается не только на лиц, находящихся в исправительных учреждениях, но и на молодежь, чья психика и личность еще окончательно не сформирована. Различные видеоролики в сети «Интернет», сглаживание образов в художественных произведениях, романтизируют криминальную жизнь, а воров-в-законе возводят на пьедестал, делая из них модель для подражания. Романтизация образов создает в умах молодежи установку, что следуя «понятиям воровского мира» можно стать частью

элитного сообщества и достичь в жизни всех целей. Это явилось причиной возникновения движения «АУЕ», под влиянием которого возросло число совершения преступлений несовершеннолетними. «В настоящее время под АУЕ понимают криминальную субкультуру, костяк которой состоит из несовершеннолетних, отличающихся от своих сверстников употреблением спиртного, наркотиков, пренебрежением к труду, агрессией к власти, проявлением хулиганства, вымогательством денежных сумм для передачи их в общак находящимся за решеткой преступникам в обмен на покровительство» [67]. При этом движение получило настолько масштабный отклик среди молодежи, что власти не могли его игнорировать. Поэтому 17 августа 2020 года Верховный Суд Российской Федерации постановил признать международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» экстремистской организацией [21].

Однозначно ответить какими способами можно эффективно бороться с распространением арестантской идеологии сложно. Особенно, если речь идет о противодействии ей в исправительных учреждениях. Поскольку в этой среде эта идеология и зародилась. Однако можно всячески препятствовать ее распространению за пределами исправительных учреждений. В первую очередь необходимо оказать влияние на умы молодежи. Например, в рамках образовательной программы проводить специальные курсы, где подробным образом стоит демонстрировать последствия влияния арестантской идеологии (например, разъяснять каким образом судимость может повлиять на дальнейшую жизнь, проводить экскурсии по исправительным учреждениям, с целью демонстрации ограничений, которым подвергнуты осужденные и так далее). Кроме того, на наш взгляд, требуется решить вопрос с романтизацией арестантской идеологии и самих воров-в-законе. С этой целью необходимо обязать Министерство культуры проводить проверки книг, фильмов и сериалов, где проявления арестантской идеологии и непосредственно сами воры-в-законе выставляются в положительном свете. В случае выявления подобных обстоятельств по результатам проверки соответствующие

произведения необходимо относить к категории «контент для совершеннолетних».

Таким образом, мы можем дифференцировать противоправную деятельность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии следующим образом. В зависимости от объекта преступного посягательства мы можем разделить противоправную деятельность указанных лиц, посягающую на:

- жизнь и здоровье граждан;
- свободу, честь и достоинство граждан;
- половую свободу граждан;
- собственность граждан;
- экономическую деятельность;
- общественная безопасность;
- безопасность государства;
- государственная и муниципальная власть.

В зависимости от направлений преступную деятельность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, можно разделить на:

- экономическую деятельность;
- насильственную деятельность;
- коррупционную деятельность;
- идеологическую деятельность.

Завершая обсуждение по теме данной главы, нами сделаны следующие **выводы:**

- к числу типичных социально-демографических признаков личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии можно отнести: лица мужского пола, возраст 30-40 лет, преимущественно имеют среднее образование, имеют семью, но, как правило, брак не зарегистрирован, трудоспособны, но не трудоустроены. Могут быть индивидуальными предпринимателями, либо занимать высшие должности в органе управления юридическим

лицом, осуществляющим коммерческую деятельность. Стоит отметить, что ранее отдельные социально-демографические признаки личности данной группы лиц было обобщить куда проще, поскольку воры-в-законе неукоснительно следовали своду правил, который предусматривал запреты на семью, на работу, на собственность. Однако, лидеры новой формации адаптируются под современные условия и постепенно отходят от старых традиций криминального сообщества;

- к психологическим признакам личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, можно отнести: ярко-выраженные лидерские качества, целеустремленность, готовность к использованию любых средств при достижении своих интересов, низкий уровень эмпатии, стрессоустойчивость, умение проводить быстрый анализ и принимать решения в критических ситуациях, деформация правосознания (правовой нигилизм), преимущественно материальные ориентиры и корыстные мотивы, побуждающие к действию, низкий уровень терпимости к критике и попыткам оспорить его действия;
- лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, имеют высокую преступную активность. Как правило, они привлекаются к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьями 228, 105, 163, 162 УК РФ;
- коррупция является одним из основных инструментов, используемых лидерами преступных сообществ, для решения вопросов, возникающих в процессе осуществления их противоправной деятельности. Этому во многом способствует то обстоятельство, что коррупция проникла во все возможные сферы управления. Кроме того, коррупционные правонарушения имеют высокую степень латентности, что позволяет лидерам преступного сообщества влиять на те или иные общественные отношения через

органы местного самоуправления или органы государственной власти. При наличии должного финансового обеспечения в совокупности с высоким уровнем коррупции лидер преступного сообщества может беспрепятственно игнорировать нормы действующего законодательства и практически полностью изолировать участников сообщества от уголовной ответственности, предусмотренной за совершенные ими деяния.

- в зависимости от объекта преступного посягательства мы можем разделить противоправную деятельность указанных лиц, посягающую на: жизнь и здоровье граждан; свободу, честь и достоинство граждан; половую свободу граждан; собственность граждан; экономическую деятельность; общественная безопасность; безопасность государства; государственная и муниципальная власть;
- в зависимости от направлений преступную деятельность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, можно разделить на: экономическую деятельность; насильственную деятельность; коррупционную деятельность; идеологическую деятельность. Кроме того, с целью совершенствования уголовно-правовых норм, направленных на противодействие организованной преступности и лицам, занимающих высшее положение в преступной иерархии, нами было предложено дополнить статью 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации частью второй следующего содержания: «Содействие в приобретении статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии». Данный состав следует рассматривать в качества квалифицированного, поскольку указанные действия может осуществлять только вор-в-законе, то есть, лицо уже обладает общественно-опасным статусом, но при этом стремится увеличить их число, тем самым еще больше противодействуя борьбе с преступным сообществом;

- отдельное внимание нами было уделено вопросу распространения арестантской субкультуры в рамках осуществления противоправной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, и ее влиянию на общество. При исследовании данного вопроса нами было предложено в рамках образовательной программы проводить специальные курсы, где подробным образом стоит демонстрировать последствия влияния арестантской идеологии (например, разъяснять каким образом судимость может повлиять на дальнейшую жизнь, проводить экскурсии по исправительным учреждениям, с целью демонстрации ограничений, которым подвергнуты осужденные и так далее). Кроме того, на наш взгляд, требуется решить вопрос с романтизацией арестантской идеологии и самих воров-в-законе. С этой целью необходимо обязать Министерство культуры проводить проверки книг, фильмов и сериалов, где проявления арестантской идеологии и непосредственно сами воров-в-законе выставляются в положительном свете. В случае выявления подобных обстоятельств по результатам проверки соответствующие произведения необходимо относить к категории «контент для совершеннолетних».

Глава 3 Актуальные проблемы квалификации преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации

Ранее нами было отмечено, что диспозиция статьи 210¹ имеет весьма лаконичный характер. Это создает ряд сложностей в процессе доказывания данного преступления. В связи с этим мы считаем целесообразным в рамках нашего исследования отдельно рассмотреть проблемные аспекты квалификации субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

В первую очередь необходимо обратить внимание, что отдельные авторы обращают внимание на конкуренцию норм между положениями части четвертой статьи 210 и 210¹ Уголовного кодекса [73]. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, совершившее преступление, предусмотренное частями 1 и 1.1 статьи 210 Уголовного кодекса, сразу подпадает под второй состав преступления. Таким образом, по мнению исследователей, необоснованно возникают проблемы, которые препятствуют конкретному правоприменению. Для решения указанной проблемы отдельные ученые предлагают исключить статью 210¹ из Уголовного кодекса, для устранения конкуренции норм, которая способствует неправильной квалификации деяний [11]. Мы не разделяем данную точку зрения, поскольку считаем, что это два разных состава. Так, для привлечения к ответственности по части четвертой статьи 210 требуется доказать сам факт совершения одного или нескольких действий, перечисленных в диспозиции частей 1 и 1.1 статьи 210 Уголовного кодекса. Разница заключается в том, что при совершении преступления, предусмотренного статьей 210¹, от правоприменителя требуется доказать осуществления организационно-распорядительных функций, в том числе наличие статусных признаков. То есть, действия лидера, которые направлены на поддержание «жизнедеятельности» преступного сообщества. При доказывании

преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 210 Уголовного кодекса, от правоприменителя требуется установить факт совершения преступлений, обозначенных частями 1, 1.1, 2 статьи 210 Уголовного кодекса.

За исключение статьи 210¹ из Уголовного кодекса выступает в том числе и К.Н. Коллегов. Свое предложение он аргументирует тем, что при квалификации по статье 210¹ невозможно определить все признаки состава преступления, поскольку здесь отсутствует объект правонарушения. Само по себе нахождение лица в статусе не несет угрозы каким-либо общественным отношениям [34]. Мы не разделяем позицию автора. Определить объект рассматриваемого преступления куда проще, чем охарактеризовать другие элементы состава. Законодатель поместил занятие высшего положения в преступной иерархии в главу, посвященную преступлениям против общественной безопасности. Соответственно, основным непосредственным объектом преступления будет выступать общественная безопасность, при этом данное преступление может нести потенциальную угрозу жизни и здоровью граждан; свободу, чести и достоинству граждан; собственности граждан; экономическую деятельности; безопасности государства; государственной и муниципальной власти.

Отдельно возникает вопрос о возможности квалифицировать по совокупности преступления, предусмотренные статьей 210¹ и частью четвертой статьи 210 Уголовного кодекса. Применительно ко второй норме ответственность возникает только в том случае, если лицо, создало или принимало участие в ранее созданном преступном сообществе (преступной организации) в качестве руководителя, в координации его деятельности, разработке преступных планов, создании условий осуществления преступных деяний, в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, исполняя ранее статусные функции, то есть, занимало высшее положение в преступной иерархии, согласно нормам уголовного закона [18].

Таким образом, статья 210¹ является общей нормой, а часть четвертая статьи 210 Уголовного кодекса является специальной нормой.

Соответственно, имеет место быть конкуренция общей и специальной нормы. По правилам квалификация деяния осуществляется по специальной норме. Что позволяет нам прийти к выводу относительно невозможности квалификации по совокупности.

Среди сложностей, которые встречаются в процессе практики применения статьи 210¹ Уголовного кодекса, можно выделить отсутствие конкретного предмета доказывания [71]. Так, имеет место быть проблема, связанная с определением начала и окончания преступления. Состав данного преступления является формальным, поэтому оно считается оконченным с момента получения лицом статусных лидерских функций преступного сообщества и обязательного выполнения организационных, управленческих, нормотворческих, судебных, карательных функций [84]. Таким образом, для того чтобы поведение лица стало преступным и подлежало квалификации по статье 210¹ Уголовного кодекса, требуется, помимо наличия у него надлежащего криминального статуса, совершение таким лицом хотя бы одного умышленного действия (постановка задач, дача поручений и так далее), направленного на координацию деятельности любой общности лиц, договорившихся о совершении преступлений. При этом для признания преступления оконченным не требуется, чтобы желаемый результат фактически был достигнут, а задание предусматривало совершения неправомерных действий. Основополагающим фактором здесь является нацеленность поручения на достижение противоправной цели, в том числе, путем совершения правомерных деяний, которые не образуют состава преступления [77].

В связи с тем, что преступление деящееся, по мнению некоторых авторов, добросовестно заблуждающихся в своих выводах, прекращение возможно только в том случае, когда статус будет потерян. Поскольку при помощи государственного принуждения лишить статуса нельзя, он может быть прекращен, во-первых, путем добровольного отказа, во-вторых, совершение поступка, который признается существенным нарушением правил

преступной иерархии [11]. Здесь стоит обратить внимание, может ли добровольный отказ от статуса лидера свидетельствовать о прекращении преступления. Так, вор-в-законе Олег Мухаметшин отрекся от своего статуса перед начальником полиции [20]. Рассматривая его дальнейшую судьбу, мы обнаружили, что в 2020 году (уже после отречения) Олег Мухаметшин был привлечен к уголовной ответственности, но только за мошенничество [59]. Полагаем, что фигурант не только отказался от своего статуса, но фактически прекратил выполнять организационные, управленческие, нормотворческие, судебные, карательные функции, являющиеся обязательными признаками занятия высшего положения в преступной иерархии.

Мы придерживаемся мнения, что после отречения в отношении лица должна быть проведена до следственная проверка, в ходе которой необходимо установить: действительно ли лицо прекратило осуществлять функции лидера преступного сообщества, а также наличие в его действиях иных составов преступлений.

В научной литературе преимущественно придерживаются мнения, что объективная сторона занятия высшего положения в преступной иерархии начинается с инициации, «коронации» субъекта [31]. Такой подход не охватывает лидеров преступной иерархии, которые не являются ворами-в-законе, а также подтверждает ошибочную точку зрения, по смыслу которой все обладатели статуса вор-в-законе подлежат уголовной ответственности по статье 210¹ Уголовного кодекса. Так, лидеры фашистских или экстремистских преступных организаций не проходят процедуры инициации и коронации, но при этом, с точки зрения уголовного закона, являются лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии. Мы придерживаемся точки зрения, что объективная сторона рассматриваемого преступления начинается с момента, когда лицо совершает деяния в контексте реализации функций лидера преступного сообщества.

Отдельные авторы придерживаются мнения, что по смыслу статьи 210¹, преступная иерархия должна распространяться по всей территории

Российской Федерации. Соответственно, при квалификации содеянного требуется установить масштабы преступной иерархии, после чего принимать решение о привлечении к ответственности по статье 210¹ Уголовного кодекса [2]. На наш взгляд, такой подход является ошибочным, поскольку он ориентирован исключительно на лиц, обладающих статусом вор-в-законе. Их преступная иерархия, безусловно, распространяется по всей территории Российской Федерации и даже за ее пределами (статус вор-в-законе, полученный в Грузии, будет действовать в России, и наоборот). Но, как уже было рассмотрено нами ранее, нельзя отождествлять понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, и вор-в-законе, так как, первое является более широким по своему содержанию. Преступное сообщество, характеризующееся пирамидальной структурой, может распространять свою деятельность в рамках одного или нескольких субъектов Российской Федерации, от этого лидер сообщества не теряет статуса лица, занимающего высшее положение, если соответствует всем функциональным признакам, свойственным для этого статуса. Таким образом, на наш взгляд, признак территориального распространения иерархии не является ключевым при квалификации деяния по статье 210¹ Уголовного кодекса.

В научной литературе высказывается точка зрения относительно того, что законодатель некорректно определил характеристику объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса. Сторонники данной позиции утверждают, что объективная сторона рассматриваемого преступления заключается в наличии у лица определенного статуса, что, по сути, противоречит концепции объективной стороны, поскольку наличие статуса нельзя рассматривать в качестве деяния [51]. Буквальное толкование статьи 210¹ Уголовного кодекса позволяет нам согласиться с указанной позицией. Однако, если мы будем анализировать данную норму, применяя расширительное толкование, то придем к несколько иному выводу. Объективная сторона преступления предполагает не наличие статуса, а реализацию совокупности функций, которые данным статусом

предусмотрены. Практика знает случаи, когда лицо наделяется статусом воров-в-законе, но каких-либо функций лидера оно не осуществляет, таким образом, в качестве субъекта занятия высшего положения в преступной иерархии рассматриваться не может. При этом все же стоит отметить, что диспозиция рассматриваемой статьи выглядит некорректной, что и создает сложности в процессе правоприменительной практики. Мы рекомендуем расширить ее содержание, путем перечисления основных функций, реализуемых при наличии статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Отдельного внимания заслуживают вопросы доказывания совершения лицом действий, подтверждающих его статус. Так, в отношении Шалвы Озманова был вынесен приговор по статье 210¹ Уголовного кодекса. В качестве основного доказательства по делу была рассмотрена записка следующего содержания: в изолятор приехал брат, которому следует оказывать уважение, и беспрекословно выполнять все его распоряжения. Кроме того, решение суда было основано в том числе и на наличие татуировок на теле подсудимого. Специальная культурологическая экспертиза подтвердила тот факт, что носитель таких татуировок имеет принадлежность к высшей касте в преступной иерархии [38]. Совокупность указанных обстоятельств легла в основу вынесения приговора [33]. В аналогичном деле было установлено, что подсудимый выполнял координационные действия на «закрепленной» за ним территории. Кроме того, было установлено, что между ним и другими членами сообщества имели место быть вертикальные отношения подчинения. Также были доказаны факты контроля и распределения средств «воровского фонда» [22]. В отдельных случаях, это касается только воров-в-законе, сотрудники правоохранительных органов пытаются получить от лица признательные показания в надежде, что лицо не будет отрицать своего статуса на камеру в силу негласных правил криминальной субкультуры. Как показывает практика, большинство «воров» теперь просто отрицают свой статус сотрудникам правоохранительных

органов [3]. Кроме того, как показывают материалы судебной практики, в качестве доказательств используются показания свидетелей, носители информации, свидетельствующие о том, что лицо участвует в собраниях лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, а также осуществляющие властно-распорядительные полномочия в отношении других участников преступного сообщества. В некоторых случаях для подтверждения статуса используются «прогоны» лица у других авторитетных членов преступного сообщества, которые также выступают своего рода свидетельскими показаниями [32].

«Воровской прогон» является специфическим доказательством, которое предоставляется стороной обвинения при рассмотрении дел о совершении преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса. «Воровской прогон» приобщается к материалам уголовного дела в рамках применения статьи 84 Уголовно-процессуального кодекса, то есть, в качестве иного документа [80]. Проблема применения «воровского прогона» в качестве доказательства заключается в том, что в таком документе отсутствует подпись или печать, подтверждающие авторство [35]. Более того, в исправительных учреждениях такие документы распространяются при помощи повторного переписывания текста оригинала [72]. В связи с этим, такие доказательства имеют весьма неоднозначный характер, поскольку могут быть фальсифицированы заинтересованной стороной.

Особое место в процессе доказывания преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса, занимает проведение культурологической экспертизы. К проведению экспертизы прибегают, если обвиняемый, по мнению следствия, является вором-в-законе, положенцем или смотрящим, поскольку татуировки являются одним из элементов традиционной криминальной субкультуры [10]. Имея специальные познания, оценив рисунок, можно установить какие преступления совершил носитель татуировок и какое положение он занимает в криминальной среде. Нанесение татуировок, которые бы не соответствовали статусу, практически исключено,

поскольку высока вероятность того, что рисунок могут принудительно удалить. Позиция защиты относительно заключения эксперта основана на том, что татуировки могут быть нанесены любым осужденным, кто отрицает правила поведения в исправительном учреждении. Также в качестве аргумента приводится тот факт, что татуировки имеют художественный характер и могут быть нанесены кем угодно в любом салоне. Как правило, суды не принимают во внимание такие аргументы и придерживаются позиции экспертов и специалистов в данном вопросе [39]. На наш взгляд, татуировки можно рассматривать только в качестве косвенного доказательства в совокупности с другими неопровержимыми доказательствами вины. Здесь мы опять же сталкиваемся с тем моментом, что татуировки могут свидетельствовать о статусе вор-в-законе, но с их помощью нельзя подтвердить, что лицо занимает высшее положение в преступной иерархии.

Отсутствие должной правовой регламентации вопроса привлечения к ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, создает сложности в процессе оценки судами доказательств по уголовному делу. Это выражается в том, что суды разных инстанций по-разному оценивают материалы дела и выносят противоположные решения. Так, Т. Гигиберия был оправдан судом первой инстанции. Было отмечено, что в ходе предварительного следствия не было установлено обстоятельств, свидетельствующих о реализации полномочий лидера преступного сообщества. Факты коронации и нанесения особых татуировок, по мнению суда, не могут свидетельствовать о наличии противоправного статуса. Позднее судом апелляционной инстанции приговор был отменен, а дело возвращено [9].

В целом мы можем отметить, что в процессе доказывания преступления, предусмотренного 210¹ Уголовного кодекса, используются свидетельские показания, носители информации, свидетельствующие о статусе лица, материалы внутренней корреспонденции исправительных учреждений (малявы), материалы культурологической экспертизы, а также признательные

показания самого подсудимого. Практика на сегодняшний день сложилась так, что правоохранительные органы пытаются доказать наличие статуса вор-в-законе при помощи получения показаний других осужденных и специальных экспертиз. Такой подход является не совсем корректным, поскольку свидетельствует о том, что правоприменитель отождествляет понятия вор-в-законе и лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии.

При этом предпосылки для изменения правоприменительной практики в нужном направлении имеют место быть. Так, весной 2020 года при помощи каналов связи в сети «Интернет» обвиняемый принял участие в собрании лиц, которые обладают авторитетом и влиянием в преступном сообществе. В ходе мероприятия он получил статус положенца. Его наличие также предполагает властно-распорядительные полномочия. Обвиняемый получил возможность на вверенной территории собирать денежные средства, а также стал обязан оказывать материальную поддержку лицам, находящимся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях [83]. Однако, не все исследователи признают такой подход. В.В. Власенко называет привлечение к ответственности «смотрящих», «держателей общака» за занятие высшего положения в преступной иерархии ошибочным применением уголовного закона по аналогии [16].

На наш взгляд, процесс доказывания должен быть полностью сосредоточен на подтверждении того факта, что подозреваемый или обвиняемый реализовывал функции лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. То есть, правоохранительные органы должны доказать следующие обстоятельства:

- членство в преступной организации, имеющей пирамидальную структуру;
- распоряжение ресурсами, которые были получены в ходе преступной деятельности участников сообщества;
- наличие у лица связей с другими лидерами преступного сообщества;

- представление интересов участников преступного сообщества при решении тех или иных вопросов, связанных с деятельностью преступного сообщества;
- наличие коррупционных связей с представителями органов государственной власти и муниципальных образований.

Отдельно стоит обратить внимание на перспективы применения статьи 210¹ Уголовного кодекса в отношении лиц, которые отбудут наказания и выйдут на свободу. Само по себе привлечение лица к ответственности в данном случае далеко не всегда пресекает совершение преступления. Учитывая уровень коррупционных связей и авторитет среди осужденных, лидеры могут осуществлять свои функции без потери статуса даже из исправительных учреждений. Соответственно, после отбытия наказания лицо может продолжать обладать общественно-опасным статусом, что создает разное понимание среди ученых относительно возможности повторного привлечения к ответственности по статье 210¹ Уголовного кодекса. В научной литературе можно встретить такую позицию: «лицо отбыло наказание за занятие высшего положения в преступной иерархии, но статус не утратило, а значит, не утратило и общественную опасность. Исходя из принципов уголовного права, привлечь лицо к уголовной ответственности за сохранение статуса после отбытия им наказания не представляется возможным» [68]. Определенно, речь идет о принципе справедливости, исходя из содержания которого, никто не может нести дважды ответственность за одно и то же преступление. Если придерживаться точки зрения, что осужденный был привлечен к ответственности за сам статус, то, с точки зрения реализации принципа справедливости в уголовном праве, повторное привлечение к ответственности невозможно, поскольку лицо вновь не обрело статуса лидера и уже претерпело уголовную ответственность за его наличие. Однако, нам ближе тот факт, что статус лидера подтверждается совершением совокупности деяний в контексте реализации функций лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. При таком подходе повторное

осуждение по статье 210¹ Уголовного кодекса допустимо, поскольку принцип справедливости не нарушается. Так, лицо привлекается к ответственности, в ходе судебного заседания устанавливается, что подсудимым совершены в конкретный промежуток времени определенные действия, свидетельствующие о его положении в преступной иерархии. В момент отбывания наказания в исправительном учреждении осужденный продолжает осуществлять исполнительно-распорядительные функции в отношении нижестоящих участников в иерархии преступного сообщества, способствуя тем самым совершению новых преступлений. В этом случае, действия, совершаемые осужденным в исправительном учреждении, на наш взгляд, могут рассматриваться в качестве основания для возбуждения нового уголовного дела по статье 210¹ Уголовного кодекса. Сложность при решении данного вопроса вызвана тем, что законодатель не конкретизирует деяния, которые составляют содержание занятия высшего положения в преступной иерархии. Поэтому мы вновь обращаем внимание на необходимость конкретизации объективной стороны рассматриваемого преступления.

Завершая исследование по теме данной главы, мы можем сделать следующие выводы:

- лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если добровольно заявит об отречении от своего статуса. При этом мы придерживаемся мнения, что после отречения в отношении лица должна быть проведена до следственная проверка, в ходе которой необходимо установить: действительно ли лицо прекратило осуществлять функции лидера преступного сообщества, а также наличие в его действиях иных составов преступлений;
- мы придерживаемся точки зрения, что объективная сторона рассматриваемого преступления начинается с момента, когда лицо совершает деяния в контексте реализации функций лидера преступного сообщества;

- на наш взгляд, признак территориального распространения иерархии не является ключевым при квалификации деяния по статье 210¹ Уголовного кодекса, поскольку преступное сообщество, характеризующееся пирамидальной структурой, может распространять свою деятельность в рамках одного или нескольких субъектов Российской Федерации, от этого лидер сообщества не теряет статуса лица, занимающего высшее положение, если соответствует всем функциональным признакам, свойственным для этого статуса;
- особое место в процессе доказывания преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса, занимает проведение культурологической экспертизы татуировок, нанесенных на тело обвиняемого. На наш взгляд, татуировки можно рассматривать только в качестве косвенного доказательства в совокупности с другими неопровержимыми доказательствами вины. Здесь мы опять же сталкиваемся с тем моментом, что татуировки могут свидетельствовать о статусе вор-в-законе, но с их помощью нельзя подтвердить, что лицо занимает высшее положение в преступной иерархии;
- мы придерживаемся мнения, что процесс доказывания должен быть полностью сосредоточен на подтверждении того факта, что подозреваемый или обвиняемый реализовывал функции лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. То есть, правоохранительные органы должны доказать следующие обстоятельства: членство в преступной организации, имеющей пирамидальную структуру; распоряжение ресурсами, которые были получены в ходе преступной деятельности участников сообщества; наличие у лица связей с другими лидерами преступного сообщества; представление интересов участников преступного сообщества при решении тех или иных вопросов, связанных с деятельностью

преступного сообщества; наличие коррупционных связей с представителями органов государственной власти и муниципальных образований;

- в целом мы можем сделать вывод, что диспозиция рассматриваемой статьи выглядит некорректной. Это создает сложности в процессе правоприменительной практики. Мы рекомендуем расширить ее содержание, путем перечисления основных функций, реализуемых при наличии статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Мы предлагаем следующую редакцию статьи 210¹ Уголовного кодекса: «Занятие высшего положения в преступной иерархии, а именно выполнение организационных, управленческих, нормотворческих, судебных, карательных функций в преступном сообществе».

Заключение

Субъектом преступления по статье 210¹ Уголовного кодекса является лицо, достигшее возраста 16 лет и занимающее высшее положение в преступной иерархии. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии – наделенное особым статусом лицо, характеризующееся наличием широкого круга преступных связей, обладающее властно-распорядительными и организационными полномочиями в различных сферах деятельности преступной иерархии, а также являющееся носителем и распространителем культуры криминальной жизни. При этом важно понимать, что само по себе наличие криминального статуса вор-в-законе, «положенец», «смотрящий» не могут служить основаниями для привлечения к ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии. основополагающим фактором в данном случае должно быть наличие у лица возможности оказывать влияние на деятельность преступного сообщества.

Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, осуществляет следующий функционал: распределение сфер влияния между нижестоящими субъектами преступной иерархии; распределение экономическими ресурсами, входящими в «общак»; осуществление полномочий медиатора при возникновении споров между нижестоящими субъектами преступной иерархии; организация и участие в решении вопросов, выдвинутых в ходе проведения общего собрания лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии; распространение культуры криминальной жизни.

Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, имеют высокую преступную активность. Как правило, они привлекаются к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьями 228, 105, 163, 162 УК РФ. В зависимости от объекта преступного посягательства мы можем разделить противоправную деятельность указанных лиц, посягающую на: жизнь и здоровье граждан; свободу, честь и достоинство граждан; половую

свободу граждан; собственность граждан; экономическую деятельность; общественная безопасность; безопасность государства; государственная и муниципальная власть.

В целом мы можем сделать вывод, что диспозиция рассматриваемой статьи выглядит некорректной. Мы предлагаем следующую редакцию статьи 210¹ Уголовного кодекса: «Занятие высшего положения в преступной иерархии, а именно выполнение организационных, управленческих, нормотворческих, судебных, карательных функций в преступном сообществе».

С целью совершенствования уголовно-правовых норм, направленных на противодействие организованной преступности и лицам, занимающих высшее положение в преступной иерархии, нами было предложено дополнить статью 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации частью второй следующего содержания: «Содействие в приобретении статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии». Данный состав следует рассматривать в качестве квалифицированного, поскольку указанные действия может осуществлять только вор-в-законе, то есть, лицо уже обладает общественно-опасным статусом, но при этом стремится увеличить их число, тем самым еще больше противодействуя борьбе с преступным сообществом.

Отдельное внимание нами было уделено вопросу распространения арестантской субкультуры в рамках осуществления противоправной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, и ее влиянию на общество. При исследовании данного вопроса нами было предложено в рамках образовательной программы проводить специальные курсы, где подробным образом стоит демонстрировать последствия влияния арестантской идеологии (например, разъяснять каким образом судимость может повлиять на дальнейшую жизнь, проводить экскурсии по исправительным учреждениям, с целью демонстрации ограничений, которым подвергнуты осужденные и так далее). Кроме того, на наш взгляд, требуется решить вопрос с романтизацией арестантской идеологии и самих воров-в-

законе. С этой целью необходимо обязать Министерство культуры проводить проверки книг, фильмов и сериалов, где проявления арестантской идеологии и непосредственно сами воры-в-законе выставляются в положительном свете. В случае выявления подобных обстоятельств по результатам проверки соответствующие произведения необходимо относить к категории «контент для совершеннолетних».

Особое место в процессе доказывания преступления, предусмотренного статьей 2101 Уголовного кодекса, занимает проведение культурологической экспертизы татуировок, нанесенных на тело обвиняемого. На наш взгляд, татуировки можно рассматривать только в качестве косвенного доказательства в совокупности с другими неопровержимыми доказательствами вины. Здесь мы опять же сталкиваемся с тем моментом, что татуировки могут свидетельствовать о статусе вор-в-законе, но с их помощью нельзя подтвердить, что лицо занимает высшее положение в преступной иерархии.

Мы придерживаемся мнения, что процесс доказывания должен быть полностью сосредоточен на подтверждении того факта, что подозреваемый или обвиняемый реализовывал функции лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. То есть, правоохранительные органы должны доказать следующие обстоятельства: членство в преступной организации, имеющей пирамидальную структуру; распоряжение ресурсами, которые были получены в ходе преступной деятельности участников сообщества; наличие у лица связей с другими лидерами преступного сообщества; представление интересов участников преступного сообщества при решении тех или иных вопросов, связанных с деятельностью преступного сообщества; наличие коррупционных связей с представителями органов государственной власти и муниципальных образований;

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агапов П.В. Организация преступного сообщества (преступной организации): некоторые аспекты криминологической характеристики // Уголовное право. 2008. № 3. С. 110-115.
2. Агильдин В.В. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации // Молодой ученый. 2019. № 24(262). С. 165-169.
3. Агильдин В.В., Константинова О.Н. Актуальные проблемы квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 4(38). С. 5-10.
4. Аглая Демидова: последняя воровка в законе. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/130318/38195/> (дата обращения: 24.04.2023).
5. Алексеева Е.А. Криминология: общая часть: учебное пособие / Е.А. Алексеева, Р.С. Абдулин. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. 148 с.
6. Андрей Крылов: биография вора в законе. [Электронный ресурс]. URL: <https://biographe.ru/znamenitosti/andrey-krilov/> (дата обращения 10.02.2023).
7. Анисимков В.М. Тюремная община: «вехи» истории. М., 1993. 72 с.
8. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21.04.2022 № АПЛ22-135. [Электронный ресурс]. URL: <https://apkrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-21042022-n-apl22-135/> (дата обращения 10.02.2023).
9. Апелляция отменила первый в России оправдательный приговор по делу о занятии высшего положения в преступной иерархии. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/478866> (дата обращения: 24.04.2023).
10. Башкова П.С., Шиханов В.Н. К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ «Занятие высшего

положения в преступной иерархии // Проблемы противодействия преступности в современных условиях. 2020. № 1. С. 56-61.

11. Беркумбаев Н.С., Егоров А.Р. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблема квалификации и правоприменения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 413-422.

12. Бессонов В.А., Дягилев А.А. «Вор в законе» как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии: ретроспективный анализ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. №4(52). С. 42-47.

13. Брыжова Е.М., Лошкарев К.Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла. 2020. №1. С. 23-27.

14. Бычков В.В. Вооруженность банды: совершенствование нормативной базы по противодействию бандитизму // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №. 10. С. 67-70.

15. Вася Бриллиант. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 24.04.2023).

16. Власенко В.В. Проблемы квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии (Ст. 2101 УК РФ) // Уголовное право. 2022. № 5(141). С. 3-12.

17. Вор в законе Вася Корж - последний император «воровской» идеи. URL: <https://politika-v-rashke.ru/vor-v-zakone-vasya-korzkh-posledniy-imperator-vorovskoy-idei/?ysclid=lgudug2p7u918256230> (дата обращения: 24.04.2023).

18. Ворецкий Я.М. О некоторых аспектах квалификации преступлений, предусмотренных ст. 210 УК Российской Федерации // Совершенствование методологии познания в целях развития науки. 2019. №1. С. 185-187.

19. Воронин С.Э., Кузнецова С.М. Психологический портрет организатора преступного сообщества // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). С. 80-86.

20. Вор отрекся от преступного титула перед полицией. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/08/23/vvz> (дата обращения: 24.04.2023).

21. В России запретили движение АУЕ // [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/brief/2020/08/17/ae/> (дата обращения 10.02.2023).

22. В Твери местному жителю предъявлено обвинение в занятии высшего положения в преступной иерархии. [Электронный ресурс]. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1476100/> (дата обращения: 24.04.2023).

23. Григорьев Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4(30). С. 50-58.

24. Гришко А.Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 уголовного кодекса Российской Федерации) // Человек: преступление и наказание. 2016. №3 (94). С. 84-88.

25. Гуров А.И. Красная мафия. Москва : СТ «Самоцвет»: МИКО «Коммерч. Вестн», 1995. 328 с.

26. Дед Хасан: биография вора в законе, жизнь и смерть // [Электронный ресурс]. URL: <https://biographe.ru/znamenitosti/ded-hasan/> (дата обращения 10.02.2023).

27. Дед Хасан: жизнь и смерть «крестного отца» русского криминального мира. URL: <https://politika-v-rashke.ru/ded-hasan-zhizn-i-smert-krestnogo-otsta-russkogo-kriminalnogo-mira/?ysclid=lgudvzxyal590872138> (дата обращения: 24.04.2023).

28. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. 667 с.

29. Дуюнов В.К. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.К. Дуюнова. 6-е изд. – Москва : РИОР: ИНФРА-М, 2020. 780 с.

30. Закон СССР от 25.12.1958 об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. №1. Ст. 6.

31. Зарубина К.А., Шевелёва С.В. Трудности применения ст. 210¹ УК РФ на практике // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 2 (87). С. 43-50.

32. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2022 №5-УД21-147-А1. [Электронный ресурс]. URL: <https://ukrfkod.ru/pract> (дата обращения: 24.04.2023).

33. Ковалева А.Е. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития. 2020. № 1. С. 110-115.

34. Коллегов К.Н. Статус человека как объект преступления (на примере статьи 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) // Правовые социально-экономические, психологические аспекты обеспечения национальной безопасности. 2022. № 1. С. 145-151.

35. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2014. 1087 с.

36. Кондратюк С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кондратюк Сергей Викторович. - Москва, 2022. 255 с.

37. Кондратюк С. В. Криминологический анализ преступной иерархии нацистского толка // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2022. № 4(61). С. 33-45.

38. Кондратюк С.В. Предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: культурологический аспект // Вектор науки

Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4(47). С. 19-25.

39. Косьяненко Е.В., Кармановский М.С. Критический анализ положений ст. 210.1 УК РФ и практики ее применения // Научный портал МВД России. 2022. №2(58). С. 66-70.

40. Кутякин С.А. Влияние «воров в законе» на криминологическую ситуацию в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 65-70.

41. К честной трудовой жизни. Сборник писем осужденных М. : Изд. ГУИТК МВД СССР, 1957. 86 с.

42. Малинин В.Б., Измалков В.А., Трапайдзе К.З. Организованная преступность и меры борьбы с ней // Приоритетные направления развития науки и образования. Пенза : Наука и Просвещение. 2017. С. 249-259.

43. Мальчук О.И. История развития феномена «вор в законе» // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 109-110.

44. Месхидзе Т.Т., Черлюнчакевич А.И. Психологические особенности личности современного криминального авторитета // Вестник «ИМЦ». 2016. № 12. С. 135-140.

45. Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Криминалистические признаки наркосбыта посредством сети Интернет // Балканское научное обозрение. 2017. № 1. С. 43-46.

46. Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Проблемы установления функциональных и статусных признаков лица, занявшего высшее положение в преступной иерархии // Правда и закон. 2022. № 4(22). С. 54-64.

47. Мондохонов А.Н. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. №5. С. 53-57.

48. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 №1490-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Акбулатова Хизира Азноровича на нарушение его конституционных прав статьей 210¹

Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28062022-n-1490-o/> (дата обращения 10.02.2023).

49. Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2022 №11-УД22-34-А4. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22092022-n-11-ud22-34-a4/> (дата обращения 10.02.2023).

50. Отари Квантришвили: биографическая сводка. URL: https://www.compromat.ru/page_11730.htm (дата обращения 10.02.2023).

51. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Lex Russica. 2020. №10 (167). С. 159-170.

52. Партилтаев С.А. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Студенческий: электрон. научн. журн. 2019. № 19(63). С. 57-60.

53. Пережогина Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4(50). С. 43-48.

54. Портал правовой статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 10.12.2022).

55. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №12 от 10 июня 2010 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) - Верховный Суд Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8134/> (дата обращения 10.02.2023).

56. Прайм-крайм: новости. [Электронный ресурс]. URL: https://www.primecrime.ru/news/2017-10-29_6710/ (дата обращения 10.02.2023).

57. Президент РФ внес законопроект об ужесточении наказания за создание преступных сообществ. [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/29791/> (дата обращения 17.04.2023).

58. Преступайло И.В. Преступное лидерство: опыт социологического исследования / И.В. Преступайло, В.В. Меркурьев, П.В. Агапов, С.В. Кондратюк, В.Ю. Тарасов, // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 1. С. 18-29.

59. Приговор Ленинского районного суда г. Тюмень по делу № 1-756/2020// [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28062022-n-1490-o/> (дата обращения: 24.04.2023).

60. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 284 с.

61. Противодействие организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии / П.В. Агапов, С.А. Бажутов, А.С. Васнецова [и др.]. – Москва : Проспект, 2022. 192 с.

62. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd (дата обращения 10.12.2022).

63. Русская правда (краткая редакция), перевод. [Электронный ресурс]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-kratkaaya/russkaya-pravda-kratkaaya.htm> (дата обращения 10.12.2022).

64. Русская правда (пространная редакция), перевод. [Электронный ресурс]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения 10.12.2022)

65. Севастьянов Д.Л. Личность организованного преступника (ст. 210 УК РФ) // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1. С. 30-35.

66. Сенатов А.В. Признаки, характеризующие лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии // Вестник Кузбасского института. 2020. №1(42). С. 75-80.

67. Ситникова М.П. Экстремистское движение АУЕ: сущность и меры противодействия // THEORIA. 2021. № 2 (3). С. 51-58.

68. Скобликова П.А. Первый приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии: освещение в СМИ и значение для правоприменительной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 4(27). С. 43-51.

69. Соборное уложение 1649 // [Электронный ресурс]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения 10.12.2022).

70. Современные воры в законе живут на Кипре и коронуются по скайпу/ URL: <https://ura.news/news/1052635709>. (дата обращения 10.02.2023).

71. Статья 210¹ УК РФ (последняя редакция с комментариями) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ugolkod.ru/statya-210-1> (дата обращения: 24.04.2023).

72. Степурина Е.Д., Грицай Д.В., Медведев С.С. Высшее положение в преступной иерархии: криминологическая характеристика лица, проблемы квалификации и доказывания // Modern science. 2021. № 6-1. С. 291-294.

73. Стукалова Т.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы квалификации и доказывания // МНИЖ. 2021. № 1-4(103). С. 93-97.

74. Суденко В.Е. Организованные преступные формирования: структура и организация преступной деятельности // Вестник Академии права и управления. 2018. № 4 (53). С. 63-69.

75. Тулиев И.И., Дакашев И.Х. Проблемы квалификации и доказывания по статье 210.1 Уголовного кодекса РФ (занятие высшего положения в преступной иерархии) // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе. 2021. № 1. С. 254-257.

76. Тюрин Владимир Анатольевич/ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 24.04.2023).

77. Уголовная ответственность при занятии высшего положения в преступной иерархии // [Электронный ресурс]. URL:

https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_58/activity/legaleducation/explain?item=58772175. (дата обращения: 24.04.2023).

78. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. Л.М. Прокументова. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 844 с.

79. Уголовное Уложение 1903 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://knigi.studio/istorii-gosudarstva-shpargalki-rossi> (дата обращения 10.12.2022).

80. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ, 4.12.2001. № 52. Ст. 4921.

81. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. № 25. Ст. 2952.

82. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // [Электронный ресурс]. <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения 10.12.2022).

83. ФСБ задержала двух криминальных авторитетов. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/10/13/brahskk/> (дата обращения: 24.04.2023).

84. Хмырова А.А., Булдыгерова Л.Н. История формирования института соучастия в российском праве // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2020. № 1. С. 112-116.

85. Шабанов В.Б., Красиков В.С. Противодействие преступности: проблемы предупреждения и профилактики // Судебная экспертиза Беларуси. 2018. № 1 (6). С. 36-43.

86. Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. №4 (26). С. 36-39.